

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

PROBLEMS OF WORLD HISTORY

Научная статья

УДК 94

doi: 10.17223/19988613/77/10

О трансформации и некоторых чертах президентского политического лидерства в Республике Корея в 1948–2021 гг.

Марта Владимировна Бочарникова

Томский государственный университет, Томск, Россия, bmartav@mail.ru

Аннотация. Исследованы изменения, произошедшие в южнокорейском президентском политическом лидерстве в период 1948–2021 гг., и рассмотрены некоторые его характерные черты. Анализируются причины формирования особого стиля лидерства президентов Республики Корея с учетом исторического и культурного контекста. Делается акцент на роли конфуцианской морали и этики, а также на системе личных связей политических лидеров, являющихся важной основой для эффективного политического лидерства. Исследование опирается преимущественно на материалы экспертов-корееведов и политологов, а также на проведенные личные интервью автора.

Ключевые слова: политическое лидерство, президент, Южная Корея, политика

Благодарности: Автор выражает благодарность Корейскому Фонду за грантовую поддержку ее научных исследований при Институте Седжона в Республике Корея, благодаря которым удалось собрать необходимый материал для публикации данной статьи.

Для цитирования: Бочарникова М.В. О трансформации и некоторых чертах президентского политического лидерства в Республике Корея в 1948–2021 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 77. С. 87–94. doi: 10.17223/19988613/77/10

Original article

On the Transformation and Some Features of Presidential Political Leadership in the Republic of Korea in 1948-2021

Marta V. Bocharnikova

Tomsk state university, Tomsk, Russian Federation, bmartav@mail.ru

Abstract. The scientific article examines transformation and some specific features of South Korean presidential political leadership in 1948-2021. The article is based on the English and Korean language literature of scientists and experts in the fields of political science and history, as well as on the author's interviews with experts in these fields. A choice of American scientists' literature on political leadership is conditioned by the fact that historically leader-oriented research and analysis have originated and proven extremely popular in the United States, which became a stronghold of research in this field.

To begin with, the author dwells on the concept of "leadership" per se and explains the interest to the concept of "political leadership" in political and historical sciences. After that, a brief overview of classic leadership theories is provided to demonstrate a distinct difference between Western and Eastern approaches to analyzing political leadership. To this end, the Republic of Korea (ROK) represents a brilliant example of an Eastern country that has achieved tremendous progress in political, economic and social spheres over a period of one generation, including due to its political leadership.

When analyzing what has driven the progress in South Korea to such an extent, the author emphasizes that presidential political leadership played one of the major roles in the nation building process. To elaborate on this, the author examines historical and cultural premises that have formed South Korean political leadership we know today. Among historical preconditions, the author puts stress on a long period of dependency on foreign states throughout the history of the united Korea, along with country division on South and North Korea in 1948 followed by the devastating Korean War of

1950-1953. All those events had culminated in strengthening of South Korean nationalism and an aspiration to have a strong leader who could restore security and prosperity of the country. Thus, South Korean political leadership experienced harsh conditions at the very beginning of nation building, which is why a leader with military background was seen as the only one capable of securing an order and establishing a solid base for economic development.

With regard to cultural preconditions, it is no exaggeration to say that Confucian legacy has played the key role as a cultural premise that rested against such virtues as subordination, personal and political order, moral duty and interpersonal relations. In addition, the author underlines an important role of an unofficial network of personal connections of a political leader. It usually represents ties between a political leader and his/her university, region, organization, etc. which provide him/her with strong support.

Besides, the author sheds light on some current trends in presidential political leadership in South Korea. The author attempts to generalize about contribution of each of the ROK presidents to national building and development and analyze what type of presidential political leadership South Korea is more close to.

The author concludes by providing a short summary on how the presidential political leadership in South Korea has transformed during 1948-2021 and how it might change in upcoming future. The author believes that a key dimension in understanding the current political dynamics in South Korea lies in a shift from the absolute power and personal influence of South Korean presidents in all spheres during 1948-1988 to a more restrained by political system role of the president after 1988, with his/her established political leadership.

Keywords: political leadership, president, South Korea, politics

Acknowledgments: The author extends her gratitude to the Korea Foundation for supporting her scientific research at the Sejong Institute in the Republic of Korea that made it possible to gather all the necessary materials for the publication of this article.

For citation: Bocharnikova, M.V. (2022) On the Transformation and Some Features of Presidential Political Leadership in the Republic of Korea in 1948-2021. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 77. pp. 87–94. doi: 10.17223/19988613/77/10

Политическое лидерство может рассматриваться с точки зрения разных наук, каждая из которых будет делать акцент на разных аспектах данного понятия. Более того, в исторической науке, как и в политологии и психологии, не существует единого понятия или теории политического лидерства, равно как и лидерства в принципе. Например, в психологии понятие лидерства имеет давнюю историю изучения как социально-психологическое явление, в политологии оно рассматривалось как политический феномен, а в исторической науке интерес к лидерству был связан с исторической ролью личности. Хотя наиболее ранние работы о лидерстве стали появляться с середины 1920-х гг. [1–3], изучение лидерства стало набирать популярность и активно развиваться с 1970-х гг. [4. Р. 1].

Поэтому, несмотря на широту понятия «политическое лидерство», мы будем придерживаться формулировки французского политолога Жана Жака Блонделя, который определял политическое лидерство как феномен власти, довольно уникальный набор властных отношений и влияний, который реализуется в широком спектре национальных и глобальных проблемных областей, осуществляется одним или несколькими авторитетными индивидуумами и обусловлен конкретной ситуацией [Ibid. Р. 2–3].

Теорий лидерства существует немало, и все они в основном западные. К ним часто относят теорию лидерских качеств (trait theory), появившуюся в 1930–1940-х гг., поведенческую теорию (behavioral theory; 1950–1960-е гг.), ситуативную теорию (situational theory; 1970-е гг.), трансформационную теорию (transformational theory), теорию мудрого лидерства (visionary leadership) и теорию харизматического лидерства (charismatic theory; 1980-е гг.) [5].

В работе выдающего политолога Глена Пейджа политическое лидерство рассматривается с точки зрения

системно-ориентированного подхода, как феномен в контексте политической системы, которая воздействует на него и на которую воздействует он [6]. Известный историк и политолог Джеймс Макгрегор Бернс исследовал политическое лидерство как феномен власти. Ему принадлежит теория транзакционного и трансформационного лидерства [7. Р. 18]. В первом случае лидеры взаимодействуют с последователями для непосредственной выгоды каждого. Такое лидерство вызывает лишь ограниченные краткосрочные изменения в работе политической системы. В случае трансформационного лидерства лидеры заставляют последователей требовать, учитывая их способность порождать такие требования. Здесь Бернс подчеркивает силу идей и моральных ценностей в мотивации лидеров и мобилизации последователей. Таким образом, можно считать подход Глена Пейджа подходом на макроуровне, поскольку он стремится понять общий политический контекст, в котором действует лидерство. С другой стороны, Бернс использует микроуровневый подход, концентрируясь на психологической структуре людей, вовлеченных в процесс лидерства.

Однако существующие теории показывают методологическую слабость, когда речь идет о политическом лидерстве в восточноазиатских странах. Так, один из ведущих экспертов по корейскому президентству д-р Ким Чун Нам отмечает, что при использовании таких западных теорий, как, например, теория личностных черт, акцент смещается на «человека», а не на «личность» как фактор уникальной социальной и политической среды [8. Р. 118]. Как следствие, политического лидера обвиняют в неудачной политике, не понимая обстоятельств, в которых этот лидер действовал.

В восточноазиатских обществах, в том числе в Южной Корее, где сохранилась строгая иерархия, условно «классические» теории лидерства выглядят несколько

иначе. Например, трансформационное лидерство больше означает не вдохновение и мотивацию, а авторитарный стиль руководства и внедрения изменений [9]. Более того, большинство западных теорий лидерства основаны на индивидуалистическом подходе: лидерский характер, стиль и т.п. При этом мало внимания уделяется коллективистским факторам, включая политическую систему, культурные убеждения, социальную структуру, политическую культуру, религиозные ценности, которые формируют среду вокруг лидера, его индивидуальное поведение и т.п.

Мы считаем, что политическое лидерство конкретного лидера должно исследоваться как с точки зрения сформировавших его процессов и составляющих детерминант в течение его жизни (семья и окружение, личный опыт, личностные черты и т.п.), так и на фоне конкретной исторической ситуации, в определенном социокультурном контексте и с учетом политико-экономической обстановки. В этой связи при написании данной статьи мы использовали структурно-рациональный подход, чтобы акцентировать внимание на изучении исторического влияния на развитие президентского политического лидерства в РК, а также интервью с южнокорейскими экспертами в области президентского политического лидерства [10–12]. Мы попытались рассмотреть в целом, каким образом такие структурные силы, как исторический процесс и социально-экономические изменения, создают возможности и ограничения, а также контекст для действий политических акторов.

История развития Южной Кореи – выдающийся пример современной истории политического, экономического и социального успеха страны Восточной Азии. Этот успех едва ли был бы возможен без политического лидерства, которое стало неотъемлемым фактором развития страны. Таким образом, при объяснении экономических достижений и успехов демократизации важно учитывать фактор южнокорейского политического лидерства, которое было одним из основных двигателей такого прогресса [13].

Тем не менее парадоксален тот факт, что образы южнокорейских президентов в основном негативные, а систематического исследования южнокорейского политического лидерства до сих пор не было [8. Р. 113]. Такая оценка политического лидерства в Южной Корее связана с тем, что политические лидеры Республики Корея рассматривались с точки зрения западной идеологии, которая основана на демократии. В условиях азиатских стран, в том числе и Южной Кореи, политические лидеры авторитарных режимов становились «диктаторами» или «диктаторами развития» [Ibid. Р. 130]. Однако существуют определенные исторические и культурные факторы, которые сформировали нацию и способствовали возникновению именно такого политического лидерства в Южной Корее.

Исторически единая Корея на протяжении большей части своей истории находилась в зависимости от Китая (до 1895 г.), а после – от Японии в период оккупации 1910–1945 гг. Затем последовали разделение страны в 1948 г. и Корейская война 1950–1953 гг., которая происходила уже в свете совместного с США ведения

боевых действий. Такое исторически зависимое положение страны способствовало усилению чувства национализма, собственной идентичности, а также желанию иметь сильного лидера, способного вести нацию и брать на себя ответственность. Подобное желание имеет и достаточно глубокие конфуцианские корни, но о них речь пойдет ниже.

Бывший-премьер-министр Южной Кореи Нам Док У выделял четыре ключевые национальные цели, на примере которых можно последовательно проследить историю развития политического лидерства в Республике Корея. С 1948 г. национальными целями были:

- 1) создание государства, основанного на идеологии свободы и демократии, сдерживании коммунизма,
- 2) искоренение тотальной экономической бедности,
- 3) урегулирование демократической представительной системы, привнесенной из западного мира,
- 4) объединение разделенной Кореи [14].

Строительство южнокорейского государства началось после разделения Кореи по 38-й параллели в 1948 г. Последовавшая вскоре Корейская война 1950–1953 гг. не только усилила и без того существовавший кризис национальной идентичности, но и создала острую необходимость дальнейшего противостояния Северной Корее. Однако экономическая отсталость и неразвитость мешали этому, и до начала 1960-х гг. выживание и безопасность были главной заботой страны. Такая сложная ситуация с безопасностью стала причиной военного переворота и последовавшего за ним авторитарного президентского руководства. Принимая во внимание уникальные проблемы безопасности Республики Корея, лидер с военным опытом, который поднялся до высших уровней власти, казался единственным, кто смог бы изменить ситуацию [8. Р. 126].

С приходом и укреплением авторитаризма Южная Корея продемонстрировала и укрепление института президентской власти. Ее базовой целью была трансформация аграрного общества в индустриальное. Кроме того, во время и после Корейской войны Южная Корея была одной из самых бедных стран в мире [15]. Поэтому всеобъемлющая экономическая модернизация стала основой национального строительства страны под авторитарным лидерством военных, за которым позднее последовала постепенная демократизация общества [16].

Однако модернизация стала возможной во многом благодаря американской помощи. Влияние США на Южную Корею в целом было сильнее, чем на любую другую новую страну. Результаты такого взаимодействия оцениваются в литературе по-разному. После освобождения Кореи в 1945 г. на территории, которую заняли США ниже 38-й параллели, были установлены американские стандарты и институты, в том числе президентская система. Корейская война и ее наследие сделали Южную Корею зависимой от дальнейшей американской помощи и советов.

Несмотря на огромный разрыв между американскими идеалами и корейскими реалиями, иностранные ученые и журналисты обращали мало внимания на трудности и проблемы, с которыми сталкивались южнокорейские лидеры, особенно в 1950–1960-х гг. Они писали

о южнокорейских президентах с точки зрения предвзятых стереотипов и либерально-демократических идеалов, усиливая таким образом их неблагоприятные образы, которые потом влияли и на исследования политики внутри РК, и на критическую оценку корейцами своих лидеров [8. Р. 129]. Тем не менее американский академик и профессор Гарвардского Университета Картер Экерт утверждает, что авторитаризм, который на протяжении десятилетий являлся воплощением политики Южной Кореи после Корейской войны, во многом обязан политическому характеру различных корейских элит, сформировавшихся в конце колониального периода [17]. Другую точку зрения предлагает заслуженный профессор университета Ёнсе в Южной Корее д-р Чжанг Донг Чжин. В своей статье «Характеристики и моральные основы политического лидерства в современной Корее» он отмечает, что южнокорейские президенты, как правило, получали негативную оценку по итогам своей деятельности в силу того, что они ставили перед собой долгосрочные национальные задачи [16]. А учитывая тот факт, что с 1988 г. срок президентства в РК составляет 5 лет без возможности переизбрания, достичь существенного прогресса по такого рода целям за один срок было и остается трудным. Проблема также и в том, что оценивать эффективность реализации или решения комплексных национальных задач приходится уже следующему поколению, для которых эти цели принимают новую форму и имеют другое значение. Яркий пример – поколенческая разница в отношении к межкорейскому объединению: чем моложе поколение, тем меньше оно поддерживает национальную идею объединения [18].

Таким образом, в контексте формирования политического лидерства президентов РК с точки зрения истории важно понимать тесную связь между вопросами безопасности, экономического роста и политического развития. Американский историк и политолог Клинтон Л. Росситер выдвигал три типа угроз демократии: война, экономическая катастрофа и социальные волнения [19. Р. 1006]. Все это случилось с Южной Кореей одновременно на начальном этапе ее существования как самостоятельного государства. К этому можно добавить абсолютное неподготовленное южнокорейское политическое сознание, в которое США поспешно старались внедрить демократические идеалы. Эти идеалы были полной противоположностью существовавшим корейским убеждениям как во время феодального правления, так и в период японской оккупации, когда Корея была полностью лишена автономности. Такое стечение обстоятельств породило сосуществование двух парадигм, либерально-демократической и конфуцианской, что в сочетании с национализмом создало абсолютно уникальный стиль политического лидерства. Мы не рассматриваем в данной работе опыт КНДР, поскольку там политическое лидерство приобрело другие черты, отличные от политического лидерства РК.

Испытания и ошибки Южной Кореи в развитии демократии были неизбежны. Непрерывный и быстрый экономический рост РК за счет демократических принципов породил очень несбалансированное обще-

ство, экономически развитое, но политически незрелое и создающее мощное давление на демократизацию [20]. Этот дисбаланс выразился в серьезной напряженности и в конечном итоге в кризисе легитимности, который определил переход к полной демократии.

С другой стороны, то, как люди думают и действуют, является отражением того, что «встроено» в их культуру. Лидерство имеет дело и с культурным контекстом, своеобразным «формирователем смысла», где люди могут сформировать понимание того, что значит быть хорошим и эффективным лидером. В своих исследованиях Роберт Хаус и другие ученые подчеркивали сложную взаимосвязь между культурой и лидерством и полагали, что атрибуты и поведение лидеров эффективны, когда они культурно поддерживаются представителями нации [21. Р. 66].

Какая в таком случае роль отводилась конфуцианству как культурной специфике в формировании политического лидерства в Южной Корее? В традиционном корейском обществе подчинение общества власти считалось патриотической добродетелью, а Конфуций учил искусству управления [22; 23. Р. 151]. Все общество представляло собой конфуцианскую иерархическую структуру приличия и порядка, в которой была заложена специфика ролей для семьи, общества и страны. Вся конфуцианская философия демократии основана на концепции политического управления. Конфуцианское лидерство базируется на личном и социально-политическом порядке, который подчеркивает межличностные отношения между начальством (правителем) и подчиненным (зависимым).

В конфуцианской политической философии отношения между государством (т.е. правителем, лидером) и людьми неравны и иерархичны [16]. Неравенство ценностей заключается в том, что государство обладает монополией на политические решения и имеет моральную поддержку народа в обмен на гарантию жизни людей в государстве. В этом ключе бывший премьер-министр Южной Кореи Нам Док У рассматривал значение в современной политике конфуцианства как культуры, в которой государство несет ответственность за все, что происходит «под солнцем», а в результате люди и средства массовой информации призывают правительство вмешаться всякий раз, когда они видят проблемы в повседневной жизни [24. Р. 112–113].

Другими словами, сильное лидерство было оправдано в южнокорейской политике с точки зрения конфуцианской морали. Обоснование конфуцианского государства основывается на двух моральных принципах. Во-первых, те люди, которые достигли морального совершенства и мудрости, имеют право руководить политикой, заниматься общественными делами. Во-вторых, будучи морально возвышенными и обладая мудростью, они несут ответственность за народ как в экономических, так и в моральных спорах в обмен на полную народную поддержку. В этом смысле конфуцианское государство напоминает аристократию: высшие и талантливые несут моральную ответственность за тех, кто ниже или менее талантлив. Основная идея аристократии состоит в том, что более высокопоставленные или способные люди должны принимать публичные

решения, в то же время принимая на себя моральные и практические обязанности перед более низкими или менее способными. По мнению профессора Чжанг Донг Чжина, современное южнокорейское государство обладает вышеуказанными доброжелательными аспектами конфуцианства [16].

Конфуцианство тесно связано с моралью, поэтому основную политику, инициированную южнокорейскими лидерами, следует считать наиболее важной, поскольку она обеспечивает моральные основы политического лидерства. Ключевые направления политики в РК, как правило, были связаны с решением фундаментальных общественных проблем: безопасность и национальное строительство при Ли Сын Мане (1948–1960), форсированный экономический подъем при Пак Чон Хи (1963–1979), сдерживание инфляции и стабилизация цен при Чон Ду Хване (1980–1988) [25], начало демократизации и «Северной политики» при Ро Дэ У (1988–1993), политика глобализации при Ким Ён Саме (1993–1998) и преодоление финансового кризиса 1997–1998 гг. и межкорейское сближение при Ким Дэ Чжуне (1998–2003) [26].

Важно отметить, что быстрый экономический рост и политическая демократизация привнесли изменения в политический ландшафт и само устройство президентской власти. Если в 1960–1990-х гг. президентский стиль в Южной Корее больше напоминал «имперское президентство», то начиная с президента Но Му Хёна (2003–2008) мы видим, как акцент все больше и больше стал смещаться на «интерактивное президентство», как мы его обозначили. Его смысл состоит в том, что успех лидерства президента стал в том числе оцениваться не столько по тому, увеличились ли ВВП и производственные мощности страны за время пребывания президента в своей должности, сколько по таким комплексным аспектам, как удалось ли президенту продолжить и придать новый импульс социально-экономическому развитию, вовремя отреагировать на общественные настроения, выстроить продуктивные межпартийные отношения и т.д. В свою очередь, учет президентом подобных аспектов в своей политике требует в том числе соответствующего индивидуального политического лидерства.

Если бы мы продолжали приведенный выше список национальных целей и их реализации, то политическое лидерство президента Но Му Хёна (2003–2008) можно отнести к продолжению межкорейского сближения и не удавшимся попыткам изменить политическую культуру Южной Кореи. Политическое лидерство консервативных администраций Ли Мён Бака (2008–2013) и Пак Кын Хе (2013–2016) внесло вклад в усиление международной позиции Южной Кореи и ее «дипломатии державы среднего уровня» (*middle power diplomacy*). Это нашло отражение в участии Сеула в решении глобальных политических и экономических вопросов, а также усилении «мягкой силы» в виде распространения современной поп-культуры Южной Кореи по всему миру. Наконец, политическое лидерство Мун Чже Ина (2017–2022) мы рассматриваем как комплексный вклад в различные сферы, среди которых укрепление роли альянса РК–США и выведе-

ние двустороннего сотрудничества на новый уровень, межкорейское и американо-северокорейское сближение (однако временное), максимально эффективная борьба с короновирусной инфекцией с самого начала ее активного распространения в 2019–2020 гг. Поэтому, исходя из типов лидерства, предложенных историком и политологом Джеймсом Макгрегором Бернсом [7. Р. 18], южнокорейское лидерство ближе к трансформационному типу, чем к транзакционному, но с «ситуационной» составляющей.

Другой особенностью южнокорейской модели сильного политического лидерства является официальная опора на президентскую систему с бюрократией и на неофициальную сеть личных связей. Подобные связи в современном южнокорейском обществе представлены «кланом», выпускниками школ и регионализмом [16]. Официально у сильного руководства есть институты для достижения своих целей, такие как политические партии и бюрократические системы. Однако под ними лежат неофициальные сети, которые влияют на принятие политических решений. На примере регионализма, который в политической культуре РК часто обозначают как «региональную вражду» [27], их проявление можно четко проследить по итогам президентских выборов. Наибольшую поддержку лидеру оказывает регион, из которого он / она родом [28]. И хотя это очевидная истина, южнокорейские политики предпочитают игнорировать эту тему [29].

С 2007 г. в исходе политических выборов набирают силу и другие тренды. Один из ярких примеров – колебания в политических настроениях молодежи возраста 20–30 лет. Влияние этой группы избирателей за последние два десятилетия становилось едва ли не определяющим в исходе политической борьбы, поскольку возрастная группа людей 40–50 лет, как правило, поддерживает прогрессивный лагерь, а население в возрасте 60–70 лет склонно голосовать за консерваторов [30].

Похожим образом влияние таких связей проявляется в тенденции южнокорейских политических лидеров окружать себя узкой группой близких последователей, которые прошли с ними вместе через какие-либо трудности в прошлом. Влияние этой узкой группы людей, как правило, ограничивает роль формальных организаций и политических структур [31. Р. 231]. Поэтому политика в РК осуществлялась директивно, особенно в период 1948–2002 гг., несмотря на восстановление прямых президентских выборов в стране в 1987 г. Эта директивность была наследием авторитарных режимов 1960–1980-х гг. Она также может отражать двойственные аспекты современной южнокорейской политики: официальные правила демократичны и либеральны, неофициальные правила основаны на корейских традициях и культуре.

К слову, такое противоречие рассматривалось и исследователями, которые, например, отмечали, что традиционная конфуцианская культура, внешне противоречащая демократическим ценностям, глубоко повлияла на процесс демократизации, ускоряя экономическое развитие. С одной стороны, акцент на корейские традиции и приоритизация единства группы шли вразрез

с либеральной демократией [16]. С другой стороны, конфуцианский акцент на образовании, этике тяжелого труда и подчинении социальной иерархии, коллективизме сыграл жизненно важную роль в содействии процессу экономического роста, который, в свою очередь, стал основой южнокорейской демократизации [15, 32]. Это еще раз подчеркивает разницу между западными ценностями индивидуальной свободы и права и восточными ценностями общности, общественного блага, семьи и социальной солидарности. Поэтому принципиально важно понимать, из каких ценностей исходят исследователи, аналитики, эксперты и т.д., когда не только дают оценку эффективности политического лидерства, но и анализируют политический процесс в таких странах, как Южная Корея.

Таким образом, на протяжении 1948–2021 гг. президентское политическое лидерство в Южной Корее, с одной стороны, претерпело серьезные изменения и трансформировалось из «имперского» и директивного в более «интерактивное» и приближенное к народу. С другой стороны, наш анализ показывает, что в президентском политическом лидерстве РК до сих пор сохранились такие традиционные корейские социокультурные составляющие, как проявляющееся в соблюдении иерархии и негласных норм конфуцианское наследие, окружающая политические круги система неформальных связей, стремление политических лидеров за короткий срок провести политику, направленную на решение фундаментальных общенациональных вопросов. На основе изученной литературы и интервью с южнокорейскими исследователями политического лидерства мы полагаем, что конфуцианское

наследие является одной из самых сильных предпосылок культурно-исторического наследия РК в развитии президентского политического лидерства. Официальные идеологии были импортированы из западных обществ, в то время как на реальные политические практики большое влияние оказали корейские традиции и культура. Как результат, характерной чертой в принципе политического лидерства в Южной Корее стала комбинация либеральной демократии, конфуцианства, национализма и самоидентичности.

Мы также считаем, что для большего соблюдения баланса власти и с учетом практики импичмента президентам РК есть основания говорить о том, что президентство в Южной Корее будет становиться более институциональным по своей природе, нежели личностно-ориентированным. Это верно и потому, что политико-экономические вызовы заставляют президентов РК все больше и больше опираться на бюрократический аппарат. Тем не менее при этом внимание как общего населения Южной Кореи, так и политических наблюдателей к личностям президентов Южной Кореи и к их политическому лидерству не только не уменьшается, но и становится более явным, о чем свидетельствуют опросы общественного мнения и публикации исследовательских институтов РК. Мы полагаем, что такой сдвиг от абсолютной власти и личностного влияния президента РК во всех сферах в период 1948–1988 гг. к более сдержанной системными ограничениями роли президента после 1988 г., но с учетом его сформировавшегося политического лидерства, становится ключевым измерением в понимании современной политической динамики в Южной Корее.

Список источников

- Boots R.S. Four American Party Leaders. By Charles E. Merriam. (New York: The Macmillan Company. 1926. Pp. xvi, 104.) // American Political Science Review. 1927. Vol. 21, № 2. P. 450–452.
- Carlyle T. On heroes, hero-worship, and the heroic in history. London : Oxford University Press, 1993. 176 p.
- Jennings E.E. An Anatomy of Leadership: Princes // Heroes and Supermen. New York : Harper & Brothers Pub., 1960. P. 172–175.
- Blondel J. Political leadership: Towards a General Analysis. London : Sage Publications, 1987. 216 p.
- Nhung-Binh Ly. Cultural Influences on Leadership: Western-Dominated Leadership and Non-Western Conceptualizations of Leadership // Horizon Research Publishing. 2021. URL: http://www.hrpublish.org/journals/article_info.php?aid=8763 (accessed: 17.10.2020).
- Paige G.D. The scientific study of political leadership. New York : Free Press, 1977. 416 p.
- Burns J.M. et al. Leadership. New York : Harper & Row, 1978. IX, 530 p.
- Kim C.N., Center E.W. Leadership for Nation Building: the Case of Korean Presidents // Leadership. 2007. Vol. 11, № 1. P. 113–143.
- Berman E., Haque M.S. Asian Leadership in Policy and Governance // Emerald Insight. 2021. URL: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/S2053-769720150000024027/full/html> (accessed: 17.10.2020).
- 백학순 세종연구소 전 사장과의 인터뷰. – 대한민국. – 서울, 2021년 5월 3일. (Интервью с д-м Пэк Хаксуном, бывшим президентом Института Седжона, Южная Корея. Сеул, 03.05.2021).
- 최진 대통령리더십연구원장인 대통령 리더십 및 심리경영 전문가와 인터뷰. – 대한민국. – 서울, 2021년 5월 4일. (Интервью с д-м Чхве Чжином, директором Исследовательского института президентского лидерства и ведущим экспертом в области президентского лидерства и психологического управления, Южная Корея. Сеул, 04.05.2021).
- 김충남 박사인 대통령 리더십 전문가와 인터뷰. – 대한민국. – 서울, 2021년 6월 15일. (Интервью с д-м Ким Чун Намом, экспертом в области президентского лидерства, Южная Корея. Сеул, 04.05.2021).
- Kwon T.H. Population Change and Development in Korea // Asia Society. 2022. URL: <https://asiasociety.org/education/population-change-and-development-korea> (accessed: 30.01.2022).
- Duck-Woo N. The Korean Economy in the Era of Internationalization // Seoul: Seoul Samsung Economic Research Institute. 1997. P. 323–324.
- S. Korea's GDP surges 31,000-fold since 1953: data // Yonhap News Agency. 2015. 10 Aug. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20150810006300320> (accessed: 15.11.2021).
- Dong-Jin J. The characteristics and moral grounds of political leadership in modern Korea // Korea Observer. 2001. Vol. 32, № 3. P. 379–407. URL: <http://www.hawaii.edu/intrel/pols605c/leadership/Modern%20Korea/jang.htm> (accessed: 18.01.2022).
- Eckert C.J. Total war, industrialization, and social change in late colonial Korea // The Japanese wartime empire, 1931–1945. Princeton University Press, 2010. P. 3–39.
- Lee C.M. A Peninsula of Paradoxes: South Korean Public Opinion on Unification and Outside Powers. Washington, DC, 2020. 67 p. URL: https://carnegieendowment.org/files/2020_UBB_final.pdf (accessed: 18.01.2022).
- Rossiter C.L. Constitutional Dictatorship: Crisis Government in the Modern Democracies : Review by Karl Loewenstein // The American Political Science Review. 1948. Vol. 42, № 5. P. 1006–1009.

20. Diamond L. Economic development and democracy reconsidered // *American Behavioral Scientist*. 1992. Vol. 35, №. 4-5. P. 450–499.
21. Culture, leadership, and organizations: The GLOBE study of 62 societies / R.J. House et al. (eds.). Sage Publications, 2004. 848 p.
22. Лунь юй (Беседы и Суждения) // ModernLi.net. 2021. URL: https://modernlib.net/books/konfuciy/lun_yuy/read/ (дата обращения: 15.11.2021).
23. Strnad G. South Korean leaders in the politics of democratization // *International Journal of Korean Humanities and Social Sciences*. 2017. Vol. 3. P. 147–168.
24. Nam D.W. Korea's Economic Growth in a Changing World. Samsung Economic Research Institute, 1997. 383 p.
25. South Korea: the Dynamics of the Chun Regime // The U.S. Central Intelligence Agency. 2021. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP84S00554R000100050002-1.pdf> (accessed: 15.10.2020).
26. 이원중. 시대적 소명과 대통령의 정치리더십. 동아시아연구원. (Ли Вон Чжонг. Зов времени и политическое лидерство президента) // 2013 대통령의성공조건. 제 4차 라운드테이블 회의록. 서울, 2012. – URL: http://www.eai.or.kr/data/bbs/kor_report/2012052519415944.pdf (дата обращения: 15.11.2021).
27. Se-Woong Koo. The Potent Force of S Korea's Regionalism // *Korea Exposé*. Seoul, 2017. URL: <https://www.koreaexpose.com/potent-force-koreas-regionalism/> (accessed: 15.11.2021).
28. Lee T. The Death of Regionalism in Korean Politics? // *Korea Economic institute of America*. Washington, DC, 2016. URL: <https://keia.org/the-peninsula/the-death-of-regionalism-in-korean-politics/> (accessed: 15.11.2021).
29. Korea – Regionalism // *GlobalSecurity*. Alexandria, 2017. URL: <https://www.globalsecurity.org/military/world/rok/regionalism.htm> (accessed: 15.11.2021).
30. Young Voters Have Long Held the Keys to Electoral Victory / K. Harris, Y. Kwon et al. (eds.) // *Korea Economic institute of America*. Washington, DC, 2016. URL: https://keia.org/the-peninsula/young-voters-have-long-held-the-keys-to-electoral-victory/?utm_medium=email&_hsmt=202461754&_hsenc=p2ANqtz-s6U03HIXmA_bodqqdOH05BUCSTTTjktv4QvAc1Bv5f9wcKqvqBY7bJRORqy2BhbGol3eQhExzdWUacTkY6NSUcJIA&utm_content=202461754&utm_source=hs_email (accessed: 02.02.2022).
31. Political leadership in Korea / D.S. Suh, C.J. Lee (eds.). University of Washington Press, 2014. 292 p.
32. *Routledge Handbook of Korean Politics and Public Administration* / C. Moon, M.J. Moon (eds.). Routledge, 2020. 528 p.

References

1. Boots, R.S. (1927) Four American Party Leaders. By Charles E. Merriam. (New York: The Macmillan Company. 1926. Pp. xvi, 104). *American Political Science Review*. 21(2). pp. 450–452.
2. Carlyle, T. (1993) *On heroes, hero-worship, and the heroic in history*. London: Oxford University Press.
3. Jennings, E.E. (1960) *An Anatomy of Leadership: Princes, Heroes and Supermen*. New York: Harper & Brothers.
4. Blondel, J. (1987) *Political Leadership: Towards a General Analysis*. London: Sage Publications.
5. Nhung-Binh, Ly. (2021) *Cultural Influences on Leadership: Western-Dominated Leadership and Non-Western Conceptualizations of Leadership*. [Online] Available from: http://www.hrpub.org/journals/article_info.php?aid=8763 (Accessed: 17th October 2020).
6. Paige, G.D. (1977) *The scientific study of political leadership*. New York: Free Press.
7. Burns, J.M. et al. (1978) *Leadership*. New York: Harper & Row.
8. Kim, C.N. & Center, E.W. (2007) Leadership for Nation Building: the Case of Korean Presidents. *Leadership*. 11(1). pp. 113–143.
9. Berman, E. & Haque, M.S. (2021) *Asian Leadership in Policy and Governance*. [Online] Available from: <https://www.emerald.com/insight/content/DOI:10.1108/S2053-769720150000024027/full/html> (Accessed: 17th October 2020).
10. Baek Haksun. (2021) *백학순 세종연구소 전 사장과 인터뷰*. – 대한민국. – 서울, 2021년 5월 3일 [Interview with Dr. Baek Haksun, former President of the Sejong Institute, South Korea, Seoul]. South Korea, Seoul, May 3, 2021
11. Choi Jin. (2021) *최진 대통령리더십연구원장인 대통령 리더십 및 심리경영 전문가와 인터뷰*. – 대한민국. – 서울, 2021년 5월 4일 [Interview with Dr. Choi Jin, Director of the Presidential Leadership Research Institute and Leading Expert in Presidential Leadership and Mental Management, South Korea. Seoul]. 4th May 2021.
12. Kim Chung Nam. (2021) *김충남 박사인 대통령 리더십 전문가와 인터뷰*. – 대한민국. – 서울, 2021년 6월 15일 [Interview with Dr. Kim Chung Nam, Presidential Leadership Expert, South Korea. Seoul]. 4th May 2021.
13. Kwon, T.H. (2022) *Population Change and Development in Korea*. [Online] Available from: <https://asiasociety.org/education/population-change-and-development-korea> (Accessed: 30th January 2022).
14. Duck-Woo, N. (1997) *The Korean Economy in the Era of Internationalization*. Seoul: Seoul Samsung Economic Research Institute. pp. 323–324.
15. *Yonhap News Agency*. (2015) S. Korea's GDP surges 31,000-fold since 1953: data. 10th August. [Online] Available from: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20150810006300320> (Accessed: 15th November 2021).
16. Dong-Jin, J. (2001) The characteristics and moral grounds of political leadership in modern Korea. *Korea Observer*. 32(3). pp. 379–407. [Online] Available from: <http://www.hawaii.edu/intrel/pols605c/leadership/Modern%20Korea/jang.htm> (Accessed: 18th January 2022).
17. Eckert, C.J. (2010) Total war, industrialization, and social change in late colonial Korea. In: Duus, P., Myers, R.H. & Peattie, M.R. (eds) *The Japanese wartime empire, 1931–1945*. Princeton University Press. pp. 3–39.
18. Lee, C.M. (2020) *A Peninsula of Paradoxes: South Korean Public Opinion on Unification and Outside Powers*. Washington, DC. [Online] Available from: https://carnegieendowment.org/files/2020_UBB_final.pdf (Accessed: 18th January 2022).
19. Rossiter, C.L. (1948) Constitutional Dictatorship: Crisis Government in the Modern Democracies: Review by Karl Loewenstein. *The American Political Science Review*. 42(5). pp. 1006–1009.
20. Diamond, L. (1992) Economic development and democracy reconsidered. *American Behavioral Scientist*. 35(4-5). pp. 450–499.
21. House, R.J. et al. (eds) (2004) *Culture, leadership, and organizations: The GLOBE study of 62 societies*. Sage Publications.
22. Lun Yu. (2021) *Besedy i Suzhdeniya* [Conversations and Judgments]. [Online] Available from: https://modernlib.net/books/konfuciy/lun_yuy/read/ (Accessed: 15th November 2021).
23. Strnad, G. (2017) South Korean leaders in the politics of democratization. *International Journal of Korean Humanities and Social Sciences*. 3. pp. 147–168.
24. Nam, D.W. (1997) *Korea's Economic Growth in a Changing World*. Samsung Economic Research Institute.
25. The U.S. Central Intelligence Agency. (2021) *South Korea: the Dynamics of the Chun Regime*. [Online] Available from: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP84S00554R000100050002-1.pdf> (Accessed: 15th October 2020).
26. Lee Won Jong. (2013) *이원중. 시대적 소명과 대통령의 정치리더십. 동아시아연구원* [The Call of the Times and the Political Leadership of the President]. [Online] Available from: http://www.eai.or.kr/data/bbs/kor_report/2012052519415944.pdf (Accessed: 15th November 2021).
27. Se-Woong Koo. (2017) *The Potent Force of S Korea's Regionalism*. [Online] Available from: <https://www.koreaexpose.com/potent-force-koreas-regionalism/> (Accessed: 15th November 2021).
28. Lee, T. (2016) *The Death of Regionalism in Korean Politics?* [Online] Available from: <https://keia.org/the-peninsula/the-death-of-regionalism-in-korean-politics/> (Accessed: 15th November 2021).
29. GlobalSecurity. Alexandria. (2017) *Korea – Regionalism*. [Online] Available from: <https://www.globalsecurity.org/military/world/rok/regionalism.htm> (Accessed: 15th November 2021).

30. Harris, K., Kwon, Y. et al. (eds) *Young Voters Have Long Held the Keys to Electoral Victory*. Washington, DC: Korea Economic Institute of America. [Online] Available from: https://keia.org/the-peninsula/young-voters-have-long-held-the-keys-to-electoral-victory/?utm_medium=email&_hsmt=202461754&_hsenc=p2ANqtz-9_s6U03HlXmA_bodqqdOH05BUCSTTTjktv4QvAc1Bv5f9wcKqvqBY7bJRORqy2BhbGol3eQhExzdhWUacTkY6NSUcjIA&utm_content=202461754&utm_source=hs_email (Accessed: 2nd February 2022).
31. Suh, D.S. & Lee, C.J. (eds) *Political Leadership in Korea*. University of Washington Press.
32. Moon, C. & Moon, M.J. (eds) *Routledge Handbook of Korean Politics and Public Administration*. Routledge.

Сведения об авторе:

Бочарникова Марта Владимировна – аспирант, Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: bmartav@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Bocharnikova Marta V. – PhD Candidate, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: bmartav@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.02.2022; принята к публикации 06.05.2022

The article was submitted 23.02.2022; accepted for publication 06.05.2022